

Олег Тупицкий

Способы изложения

Олег Тупицкий

Способы изложения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25015118

ISBN 9785448548475

Аннотация

В книгу вошли стихотворения разных лет, не печатавшиеся в ранее изданных сборниках «Вероятность реальности» и «Сон? Нет!». Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

I		8
	Песенка о Страшном суде	8
	«На ночной автостраде...»	10
	«Стало меньше друзей...»	11
	«Проклинаю дорогу...»	12
	«Уж которую неделю...»	13
	«У всякого свой крест...»	14
	«Не беда, что не сгодился...»	15
	«Между птицами и вшами...»	16
	Дурацкая сказка	17
	«Отворите мне дверь...»	19
	«И свободный художник...»	20
	«Вместо синего неба...»	21
	«Я был изгнан из рая...»	22
	«Я не скажу ни слова о любви...»	23
	Триптих	24
	«Под горелой берёзой...»	26
	«1...»	27
	«Все в разной мере потребляют алкоголь...»	29
	«Будь проклят, мой двадцатый век...»	30
	Сказки об Италии	31
	Молитва	32
	«Я не хочу прослыть ни под каким	33

предлогом...»	
«Весельчака и скомороха...»	34
«Под окнами боярышник-барышник...»	35
«Этот Богу угодный...»	36
Парк	37
«Собачий вой. Созвездий поворот ...»	38
«Оставь свой стол, оставь свой карандаш...»	39
«Я бабочку крапивницу...»	40
«Меня запомни – молодым...»	41
«Как незначительных гостей...»	42
«В ладони луковку часов...»	43
«Тише детского вздоха...»	44
«Здесь шагу не ступить, чтобы не встретить...»	45
«Слышишь – колокол очнулся...»	46
«Где размазаны капли – катит мутный поток...»	47
«Сплю – не сплю, еженощно...»	48
«Всеми звуками своими...»	49
«Мне бросило в ладонь...»	50
«Кто осенние астры...»	51
«В холодном парке ворожея...»	52
«В неверном свете ночника...»	53
«Отлегло – и не хочется...»	54
«Человек бежит по снегу...»	55
«Вопроса нет: иметь иль не иметь ...»	56

II	57
«Наши нелепые ссоры...»	57
«Не парии, не уроды ...»	58
Лебединое озеро	59
«Погасит люльку пастушок...»	60
«Грязи дольной дороги...»	61
«Век усталое тело...»	62
«О подоконник гулко...»	63
«На всём десница Божия ...»	64
«Смахнут крылами голуби...»	65
«Вот и песенка спета...»	66
«Новогодние ёлки...»	67
«На столбах, на заборах...»	68
«Облака перьевые...»	69
«Желна ударит по сосне...»	70
«Кому – торчать от анаши...»	71
«Бесконечные дожди ...»	72
«Осень, полная дыма...»	73
«Ночь идёт по треугольнику...»	74
«Заварим чай. Варенье из рябины...»	75
«Три души, четыре стула...»	76
«Когда летели Леониды...»	77
«На беду ли, на удачу ...»	78
«От зимы до субботы...»	79
«Не ваятель, не воитель...»	80
«Небо ниже и уже...»	81

«Всуе не произносите...»	82
III	83
«Я вернулся. Меня не кори...»	83
«Кто-то по первопутку...»	84
«Где мы гостями посторонними...»	85
«Отсутствие дыма и дома...»	86
«Мне многое дано – сей город у реки...»	88
«Суетны, ***языки...»	89
IV	90
«Твердят: «В начале было Слово...»	90
«Давайте ответим честно...»	91
«Я не бродил по Иудее...»	92
«В мире банковский кризис...»	93
«Поздно бегать и прыгать...»	94
«Жизнь летала, жизнь витала...»	95
«Не верь мне, если Лазаря пою...»	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Способы изложения

Олег Тупицкий

© Олег Тупицкий, 2020

ISBN 978-5-4485-4847-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Песенка о Страшном суде

Не знаю точно – где, когда,
но в зале Страшного суда
предстану я, повязанный как вор.
Меня разденут донага.
Ну, а потом – вся недолга...
И мне Господь объявит приговор:

– Ты в этой жизни славно жил,
не волновался, не спешил
и ничего доделать не забыл.
Вот только сад не посадил,
на свет ребёнка не пустил —
не потому, что женщин не любил.

Ты слабым рук не подавал,
своих рублей не пропивал
не потому, что не было рублей.
Своих врагов не побивал.
Да и друзей не предавал
лишь потому, что не было друзей.

Ни разу правды не сказал,
но и не лгал, как есть – не лгал,
и не плодил ни сплетен, ни химер,
не тяготился суетой,
не воевал со сволотой
не потому, что злости не имел.

Ты никому из подлецов
не бросил вызова в лицо
и никого не вытолкал взашей,
не вылетал на виражах
и не сходил на ножах
не потому, что не было ножей.

Не греховодник, не святой,
не из дерьма, не золотой,
не из богатырей, не из калек —
и ни в огне, и ни во льду,
и ни в раю, и ни в аду
ты никому не нужен. Ты не человек.

«На ночной автостраде...»

На ночной автостраде
под февральским дождем
не спеши, бога ради,
подождём,
как погоды у моря,
за стеною воды
то ли нового горя,
то ли новой беды.

«Стало меньше друзей...»

Стало меньше друзей,
а врагов не становится меньше,
не становится меньше обид
и нарочно чинимого зла,
не становится меньше
красивых и преданных женщин,
только где из них та,
кто б меня за собой повела?

«Проклиная дорогу...»

Проклиная дорогу,
как судьбу сирота,
я тебя, недотрогу,
буду помнить всегда
не за то, что просила
побережься в пути,
а за то, что простила
и пришла провести.

«Уж которую неделю...»

Уж которую неделю
я не знаю, как мне быть —
оставаться не при деле
или ведьму полюбить.

К чёрту всякие приметы
и сомнительный уют!
Мне б спросить её совета,
да за это в морду бьют.

«У всякого свой крест...»

У всякого свой крест,
у всякого свой Бог,
и никого окрест,
кто бы тебе помог
понять, как ты был прав,
что не прощал измен,
а остальное – прах,
а остальное – тлен.

«Не беда, что не сгодился...»

Не беда, что не сгодился
я тебе, моя душа.

Не беда, что не садился
голой жопой на ежа.

Не беда, что не бодался,
а играл свою игру.

Не беда, что заблуждался.

Не беда, что вдруг умру.

«Между птицами и вшами...»

Между птицами и вшами
да с ослиными ушами
и в согласии с пашами
можно очень долго жить,
кушать сытно, аккуратно,
спать в тепле, но, вероятно,
так захочется обратно
в зимний лес – по-волчьи выть.

Дурацкая сказка

Была страна (неправда?) вне
пространства и веков.
И жили люди в той стране
без всяких дураков.

Не знали, что такое власть,
не знали войн и драк,
трудились впрок, гуляли всласть.
Но к ним пришёл дурак.

Он речи начал говорить
разумные вполне —
что им отныне надо жить
как и в его стране:

де, нужен царь или король,
нужны рабы и знать,
зане любой свою лишь роль
и место должен знать.

Немало на своём веку
слыхали люди врак,
но не сказали дураку:
– Дурак, да ты дурак!

И не прислушались к словам,
и прыскали в кулак.
А между тем по головам
топтаться стал дурак.

Не знаю, как случилось так
и что там дальше будет,
но всё же стал царём дурак,
рабами стали люди.

Теперь они в его руках
работают за страх.
Так те, кто был не в дураках,
остались в дураках.

«Отворите мне дверь...»

Отворите мне дверь,
затворите мне кровь.
Я же комнатный зверь —
мне достаточно крох
с Ваших ласковых рук,
что карают огнём.
А давнишний мой друг?
Я забуду о нём.

«И свободный художник...»

И свободный художник,
и опальный поэт,
и прыщавый заложник
сексуальных побед —
все покинуты Богом
без надежды на кров
в этом самом убогом
из возможных миров.

«Вместо синего неба...»

Вместо синего неба
вдоволь ситного хлеба,
да погуще в корыте,
да потолще казна —
мне твои бы заботы,
человек для субботы,
я бы горя не видел
или счастья не знал.

«Я был изгнан из рая...»

Я был изгнан из рая,
и средь белого дня
государство Израиль
поглотило меня
навсегда, с потрохами,
как Иона кита.

Не машите руками —
я же вам не чета.

«Я не скажу ни слова о любви...»

Я не скажу ни слова о любви,
поскольку в этом смысла ни на йоту
не стало ныне. Верите ли вы? —
я не скажу ни слова о любви.
А ты, приятель, бога не гневи
напрасно и купи себе Тойоту —
я не скажу ни слова о любви,
поскольку в этом смысла ни на йоту.

Триптих

1

Я продолжительно болею
и наблюдаю между делом
сближение Рыб и Водолея
до допустимого предела
и бег материков по шару
и глупую мечту лелею
что никому не помешаю
и никого не пожалею

2

Я продолжительно болею
и наблюдаю без надежды
гонение Рыб на Водолея
в пределах тела и одежды
чему упорно возражаю
и мысль жестокою лелею
что многим сущим помешаю
но никого не пожалею

3

Я продолжительно болею

и над с ума сошедшим сбродом
холодных Рыб и Водолея
я наблюдаю год за годом
они ж меня не замечают
и даже мысли не имеют
что никому не помешают
и никого не пожалеют

«Под горелой берёзой...»

Под горелой берёзой
без царя в голове
откровенно тверёзый
я лежу на траве
и вещаю воронам
(прямо твой Цицерон),
нанося посторонним
ощутимый урон
болтовнёю пустою:
– Выше клюв, господа!
Я немного стою —
нынче как никогда.

«1...»

1

Мне не дано читать
до одури Вордсворта
и недосуг болтать
о прелестях Эскорта,

2

покрывши матерком
заводы Генри Форда,
с таким же мудаком,
как сам – какого чёрта!
Я больше не знаком
с тобой, *** морда.

3

Отрежь-ка мне кусок
от праздничного торта,
плесни по поясок
в стекло второго сорта —
припомним на часок,
что мы когда-то гордо

4

хлестали из горла
то с мастерами спорта,
то с Машкой, что дала
полгорода от порта
до Белицы – тела
дымились, как окурки.

5

Старушка померла...
Гасите свет, придурки!

«Все в разной мере потребляют алкоголь...»

Все в разной мере потребляют алкоголь.
Все, допуская, знают, кто такой де Голль.
Всех мыслящих волнует красота.
Все разделяют мнение Христа
о том, что в мире все не без греха.
Из всех с годами сыплется труха.
И все гордятся членами своими,
но кто-то сеет семя, кто-то имя.

«Будь проклят, мой двадцатый век...»

Будь проклят, мой двадцатый век,
пропахший трупами и спермой.
Я на следы твои – не первый
и не последний человек —
плюю и ясно понимаю,
что сын ответит за отца
и будет мечен до конца
его позором. Принимаю.

Сказки об Италии

Штаны протирая за партой,
ты мог бы заметить, дружок,
на географической карте
красивый такой сапожок,
в котором живут итальянцы
и прочие люди – они
танцуют весёлые танцы
без продыху ночи и дни,
а также лакают винище
(другие напитки не в счёт).
Там Тибр поперёк голенища
в Тирренское море течёт.
Оно же, волнуясь и пенясь,
грызёт берега и ворчит.
Пизанская башня, как пенис
у сонной планеты, торчит.
А ты на задворках Европы
с дремучей славянской душой
мечтаешь податься в холопы
за доллар – один, но большой.
Жалею тебя, недотёпу,
рождённого в здешнем аду.
Ты можешь послать меня в жопу —
я захохочу и пойду.

Молитва

1

Услыши, Боже, грешного меня.
Не алчу ни соседского коня,
ни птицы, ни рабыни, ни вола.
О том, чтобы жена его дала,
не помышляю. Об одном молю:
храни меня от подлости и блуда,
предательства или другого худа
и дай любить желанную мою.

2

Дай жаждущим по степени таланта
художника, поэта, музыканта
деньги и славы, счастья и любви,
их бесполезный труд благослови
и каждому исчисли меру дней
не дурью лекарей, но волею Твоей.

«Я не хочу прослыть ни под каким предлогом...»

Я не хочу прослыть ни под каким предлогом
ни рупором идей, ни идолом ***,
но я хотел бы быть в отечестве убогом
таким же чужаком, как нищий иудей,
чьё тело в общий ров под псом-Владивостоком
свалил безвестный зэк из племени людей.

«Весельчака и скомороха...»

Весельчака и скомороха
из кожи вон изображаю.
У нас великая эпоха,
мне говорят. Не уважаю
её величия. Возможно,
в эпохах я не понимаю,
но шиш в кармане осторожно
держу и зря не вынимаю.

«Под окнами боярышник- барышник...»

Под окнами боярышник-барышник
сам-друг цветёт и падалью разит,
а воздух неподвижный, как булыжник
на плечи давит и грозой грозит.
Где рисовальщик, что без линий лишних
весеннюю тоску изобразит?

«Этот Богу угодный...»

Этот Богу угодный
загорающий сброд,
этот мост пешеходный
и реки поворот,
этот храм-планетарий
визави КГБ,
эти алчные стаи
городских голубей,
этот пруд с лебедями
и зелёной водой
заколотят гвоздями
и засыплут землёй.

Парк

1

Стоит вода в собачьих валунах
и год за годом отражает небо
над городом. Какая мне потреба
насушная в гранёных письменах,
и что мне скажут каменные строки?
Что Лордъ и Марко, княжеские псы,
здесь упокоились, как, Господи, спаси,
все упокоимся в положенные сроки?

2

Пётр-Павел горит, как гирлянда.
Щегол прорицает июль.
Игривый мышинный горошек
облапил тянь-шаньскую ель.

Брожу по аллеям без проку.
В карманах, на грех, ни гроша,
но здоровье в полном порядке.
Мне радостно и хорошо.

«Собачий вой. Созвездий поворот ...»

Собачий вой. Созвездий поворот —
небесный вальс – беспечное круженье.
Табак болгарский увлажняет рот
и вызывает головокруженье.

И некуда проситься на ночлег —
мне город чужд от центра до окраин.
Извечно бесприютный человек —
извечно блудный сын – извечно Каин.

«Оставь свой стол, оставь свой карандаш...»

Оставь свой стол, оставь свой карандаш
и отправляйся на центральный пляж.

Пока ещё свободен – загорай,
о будущем не думай, не гадай,

а мысли вздорные зашей за поясок:
что зёрна кварца больше, чем песок.

«Я бабочку крапивницу...»

Я бабочку крапивницу
поймаю на лугу,
свою судьбу-строптивицу
разую на бегу,
но ничего не выманю,
используя момент —
в моём коротком имени
для торга места нет.

«Меня запомни – молодым...»

Меня запомни – молодым,
длинноволосым и худым,
валявшим ваньку-дурачка,
когда вилась вокруг зрачка
осенняя Березина.
Ты это видела одна.

«Как незначительных гостей...»

Как незначительных гостей
на пир горой, собрало лето
доисторических морей
косую рябь у парапета.

И грузной россыпью лежат
в пыли архейские кварциты —
недороги, неимениты
и вечности принадлежат.

«В ладони луковку часов...»

В ладони луковку часов
верчу – глазам своим не верю:
злодейка двери на засов
и предлагает лбом о двери.

Ещё вчера, как на духу,
о чём ни попрошу – вещает,
и вот (увы мне, дураку)
хоть волком вой – не отвечает.

«Тише детского вздоха...»

Тише детского вздоха,
легче взмаха ресниц
монастырская охра
над рекою. И птиц
пролетевшая стая
— на восток, на восток! —
не заметишь — растает,
как отведенный срок.

«Здесь шагу не ступить, чтобы не встретить...»

Здесь шагу не ступить, чтобы не встретить
лотка, ларька, палатки, магазина,
забитых иноземным ширпотребом —
съестным, исподним, детским, для мозгов.

Здесь можно за умеренную плату
в общедоступном очаге культуры
(кинотеатре, видеосалоне)
осуществить просмотр очередного
крутого суперфильма (боевик,
ужастик, порно) – есть обширный выбор.
Здесь все каналы радио и теле
кишмя кишат политикой, рекламой,
тусовками отечественных звёзд
столичного и местного масштаба.

Здесь гаснет небо в свете фонарей.

«Слышишь – колокол очнулся...»

Слышишь – колокол очнулся
у Святых Петра и Павла.
Звёздный атлас покачнулся —
в руки яблоко упало.

Значит, предыдущих восемь
умерли в своих постелях,
и домой вернулась осень —
время думать о метелях.

«Где размазаны капли – катит мутный поток...»

Где размазаны капли – катит мутный поток.
Где великие цели – важен только итог.

Где случаются волки – появляется страх.
Где не знают о небе – говорят о деньгах.

Где опустятся руки – протечёт потолок.
Где кончается выдох – начинается вдох.

«Сплю – не сплю, еженощно...»

Сплю – не сплю, еженощно,
как слепого коня,
одноглазый извозчик
погоняет меня.

И по торной дороге
с песней из-под дуги
волоку свои дроги
и считаю круги.

«Всеми звуками своими...»

Наташе

Всеми звуками своими
необъявленной войной
Ваше дьявольское имя
тяготееет надо мной,
как разлука над порогом,
как над жаждою вода,
как над путником дорога
и Полярная звезда.

«Мне бросило в ладонь...»

Мне бросило в ладонь
калиновое лето
кровавую щепоть
раздавленных сердец,
как из колоды лист
червонного валета
или бог весть куда
билет в один конец.

«Кто осенние астры...»

Кто осенние астры
окатил из ковша
чёрной кровью пространства
так, что в пятки душа?

Кто в ночной палисадник
внёс тревожный фонарь?
Чей рысак и чей всадник?
Чьи царица и царь?

«В холодном парке ворожея...»

В холодном парке ворожея
пробормотала мне уныло:
– И на твою, красивый, шею,
неровен час, наварят мыла.
Оставь пустое – не забыли,
за малым руки не дошли.
До сроку с миром отпустили.
Спеши, пока не сволокли.

«В неверном свете ночника...»

В неверном свете ночника
что можно знать наверняка?

Что речь, как русская верста,
немногим – песней на уста.

Что старый спор добра со злом
не надо делать ремеслом.

«Отлегло – и не хочется...»

Отлегло – и не хочется
за порог выходить.
Серый вечер волочится,
как суровая нить.

Молью трачено давнее
душ случайных родство.
Новый год. Ожидание
Рождества. Рождество.

«Человек бежит по снегу...»

Человек бежит по снегу
и подтаявшему льду.
Человек спешит к ночлегу,
держит время в поводу.

Я по берегу хожу
и вослед ему гляжу,
сам себя не понимаю —
чем при жизни дорожу?

«Вопроса нет: иметь иль не иметь ...»

Вопроса нет: иметь иль не иметь —
карманов не оттягивает медь.

Высок и тощ. Никак не датский принц.
Чужак в толпе бойцов за главный приз

любой ценой. Достаточно любви.
И всё-таки – *to be or not to be.*

II

«Наши нелепые ссоры...»

Наши нелепые ссоры
пусть порастают быльём.
В чашки простого фарфора
сизого чаю нальём,
бросим на стол карамели
россыпью – что уж мудрить?
После пусть скажут: умели
люди счастливыми быть.

«Не парии, не уроды ...»

Не парии, не уроды —
забывшие отдых и труд,
ревут, обезумев, народы,
как сильные воды ревут.

Ты прав оказался, Исаия.
Ты нас угадал до конца.
В который пирует косая,
и крови не видно конца.

Лебединое озеро

1

Словно отрок наследный,
обречённый на власть,
этот лебедь последний
предназначен пропасть.

Он неслышно и гордо
канет в зиму, как дым
исчезает. И город
не заплачет над ним,

2

Мы с тобою обманулись —
так бы чаще, милый друг.
Гуси-лебеди вернулись
в мутноглазый Гомеюк.

Будут белые одежды
и омытые дождём
босоногие надежды,
что, авось, не пропадём.

«Погасит люльку пастушок...»

Погасит люльку пастушок
и спустится в долину,
сыграет зорю петушок,
и утро выгнет спину
с улыбкой вещего кота
из дядюшкиной сказки,
и не случится ни черта,
достойного огласки.

«Грязи дольней дороги...»

Грязи дольней дороги
жирно льнут к сапогам.
Худо, если в итоге
даже званым гостям
не откроется толку
ни в делах, ни в словах,
как голодному волку
в прошлогодних следах.

«Век усталое тело...»

Век усталое тело
разметал по углам,
а душа отлетела
к заповедным пескам,
где над лебедем белым
нижний мостик дугой.
И невмочь этот берег
променять на другой.

«О подоконник гулко...»

О подоконник гулко
вторые сутки – дождь,
и в город на прогулку
хотел бы – не пойдёшь.

Но сетовать на это
повремени пока —
увидишь, бабье лето
разгонит облака.

«На всём десница Божия ...»

На всём десница Божия —
присяду ли когда
на камень у подножия
Лекзырского креста?

Над ним тысячелетия
проходят впопыхах,
а мне лишь междометия
остались – ох! да ах!

«Смахнут крылами голуби...»

Смахнут крылами голуби
листву на дно пруда,
деревья в небо голое
опустят невода,
и рыжая прелестница
в положенный черёд
поплачет, перебесится,
а там и Новый год.

«Вот и песенка спета...»

Вот и песенка спета
до конца.
Птица Феникс из пепла
не поднимет лица.

Время выпасть из круга
подоспело, и впредь
не до жиру, подруга —
только б не озвереть.

«Новогодние ёлки...»

Новогодние ёлки
догорели дотла.
Воют серые волки
на могиле козла.

Все наивные сказки
со счастливым концом
рассказали до нас и
рты залили свинцом.

«На столбах, на заборах...»

На столбах, на заборах
и за каждым углом
 снова росчерки Зорро
 белым школьным мелком.

Возвращается детство,
словно прима на бис.
Продолжается действие —
стало быть, улыбнись.

«Облака перьевые...»

Облака перьевые,
как дымок сигарет
наплывают. Впервые
ни хороших примет,
ни хорошего друга
во дворцах из песка.
И уныло, как выюга,
завывает тоска.

«Желна ударит по сосне...»

Желна ударит по сосне,
и замелькают, как во сне —
Петровка, ягода малина
в кустах кусками янтаря,
и с нашего календаря
дней оборвавшихся лавина.

«Кому – торчать от анаши...»

Кому – торчать от анаши,
кому – от браги.
Кому – рядиться в курбаши,
кому – в абраги.

Кому – остаться с барышом,
кому – внакладе.
Кому – скитаться гольшом,
кому – в наряде.

Кому – по нраву и душе,
кому – немило.
Всего хорошего. *Шерше.*
Мне – мимо.

«Бесконечные дожди ...»

Бесконечные дожди —
серо, сыро, сиротливо.
Если хочешь – подожди
не конца, так перерыва.

А не то – беги скорей
прочь отсюда без оглядки.
И нимало не жалея —
с потерявших взятки гладки.

«Осень, полная дыма...»

Осень, полная дыма
и опавшей листвы,
проносящая мимо
тридцать третьей главы
суетливые стаи
воронья в облаках,
поманит и оставит,
как всегда, в дураках.

«Ночь идёт по треугольнику...»

Ночь идёт по треугольнику,
как по битому стеклу.
Семипалый к подоконнику
наклонился во хмелю
от предчувствия ушкуйного
завывания зимы
и голодного и буйного
нрава снежной кутерьмы.

«Заварим чай. Варенье из рябины...»

Заварим чай. Варенье из рябины,
батон, деликатесный маргарин
на стол поставим. Справим именины.
По счастью есть виновник именин.

А нет – найдётся тысяча причин
чай заварить, варенье из рябины,
батон, деликатесный маргарин
на стол поставить. Справить именины.

«Три души, четыре стула...»

Три души, четыре стула,
лет шестнадцать будто сдуло
ветром, как ненужный сор.
Вновь попойка до рассвета.
Он про то, она про это,
я киваю без ответа —
непутёвый разговор.

Ночь становится бледнее,
пить становится труднее.
Слёзы. Паника. Вокзал.
Поезд медленно отходит.
Хмель мучительно выходит.
Ничего не происходит —
кто-то правильно сказал.

«Когда летели Леониды...»

Когда летели Леониды,
пересекая Орион,
мы забывали про обиды
и выбегали на балкон,
своих желаний сокровенных
не успевая загадать
и о заботах ежедневных
переставая горевать.

«На беду ли, на удачу ...»

На беду ли, на удачу —
в годы юности моей
угодил я под раздачу
оплеух и козырей.
Вот же подлая природа!
Всё как будто невзначай —
бочка дёгтя, ложка мёда,
пара денежек на чай,
*не подрезгуйте советом
и пожалуйте за дверь.*
Так мне выпало поэтом
стать и маяться теперь.

«От зимы до субботы...»

От зимы до субботы
жизнь проходит, как две,
и всего-то заботы —
вышивать по канве,
и всего-то удачи —
что-нибудь рифмовать
мимоходом и даже
оттого горевать.

«Не ваятель, не воитель...»

Не ваятель, не воитель
за Отечество своё —
я всего лишь обыватель,
отбываю бытие.

Отбываю, как умею,
как я сам себе завёл.
Потому и не имею
многих радостей и зол.

«Небо ниже и уже...»

Небо ниже и уже,
по ночам холода
надвигаются, в лужах
загустела вода,
гости в звёздном посеве
вышли, роза ветров
повернулась на север,
возвещая Покров.

«Всё не произносите...»

Всё не произносите
поучительных речей,
что кораблики пускают
не в корыте, а в ручье.

Не надейтесь. Не поможет.
Не пойду на поводу.
И спокойствие, быть может,
потеряю и найду.

III

«Я вернулся. Меня не кори...»

Я вернулся. Меня не кори
за несчётные вёрсты дороги
и прощением одари,
не держи на пороге.
Собери, что придётся, на стол,
как бывало, на скорую руку.
Примирился и выпьем по сто
за идущую следом разлуку.

«Кто-то по первопутку...»

Кто-то по первопутку
с вещмешком
выступает пешком,
кто-то ловит попутку.

Я сажу на обочине
и курю,
никого не корю,
лишь собой озабоченный.

«Где мы гостями посторонними...»

Где мы гостями посторонними
гуляли по аллеям парка,
асфальт под гнёздами вороньими
пестрел, как шкура леопарда,
и для народного гуляния,
чреватого горами мусора,
звучала радостно заранее
организованная музыка,
и между тучами и ветками
в предчувствии дождя и холода
заканчивался фейерверками
традиционный праздник города.

«Отсутствие дыма и дома...»

Отсутствие дыма и дома
приводит к брожению умов.
Ни хижины дядюшки Тома,
ни княжеских теремов
построить не получилось —
аз есмь перекатная голь.
Из всех действительных чисел
моим является ноль.

* * *

1

Заражают безумием десять египетских казней.
Столько лет проплутали. Издох не один Моисей.
Чем прекрасней порыв, воплощение тем безобразней —
подтверждается жизнью напрасно изжитою всей.

2

Опыт бедности учит бояться колёсного скрипа,
голос гордости требует слепо идти напролом.

Намечается выбор, в итоге которого – либо светлый князь за столом, либо подлый мужик под столом.

3

Я прошу, помоги мне, Отец, потерпеть поражение, не утратив лица, не упившись на чуждом пиру, все грехи отпусти и оставь позволю отражение в бурных водах реки, при которой рождён и умру.

«Мне многое дано – сей город у реки...»

Мне многое дано – сей город у реки,
несущий высоко свой возраст патриарший.
Казалось бы, хватай удачу в две руки
и радости вкушай от пуза полной чашей,
да только всё не впрок, и не идёт покой,
как сытая зима вослед за урожаем.
В сомнении брожу: а кто я есть такой —
бранчливый раб или достойный горожанин?

«Суетны, ***языки...»

Суетны, ***языки
и рабы мечты одной,
мы оставили улики
на поверхности земной.
А была ли цель великой —
на террасе намывной
рыжий пламень облепихи,
неухоженный и дикий,
посчитается со мной.

IV

«Твердят: «В начале было Слово...»»

Твердят: «В начале было Слово,
и Слово было Бог». Какого
святого всякая херня
наружу лезет? Но меня
никто не упрекнёт: «Ты вор,
ты слово обратил в товар».
И, взятого на Божий суд,
тем оправдают и спасут.

«Давайте ответим честно...»

Давайте ответим честно
без страха и суеты:
хотим ли мы совершенства
и жаждем ли чистоты?

Ведь все мы насквозь в изъянах
(такое уж естество).
Бог любит больных и пьяных,
а мы не верим в Него.

«Я не бродил по Иудее...»

Я не бродил по Иудее,
душою немощен и мал,
и ни в едином бранном деле
участия не принимал,
но всеми силами своими
искоренял в себе раба
не вопреки и не во имя,
а просто выпала судьба
в зените жизни поневоле
служить лукавому царю.
И кто какой в том поле воин
был – ничего не говорю.

«В мире банковский кризис...»

В мире банковский кризис,
в жизни горный обвал,
домочадцы, что крысы,
клином прут на скандал.

И пускай я нелепый
исчезающий вид,
и напиться из Леты
мне ещё предстоит,

и пускай не сложилось —
не моя в том вина.
Выше кивер, служивый,
потому что война.

«Поздно бегать и прыгать...»

Поздно бегать и прыгать,
зажигая огни.
Где вы, Беседа и Припять?
Где вы, юные дни?
Где вы, строгие планы
неоткрытых миров?
Где вы, стройные пальмы
золотых островов?
Всё сжевала неспешно
повседневности пасть,
но осталась надежда —
не убить, не украсть.

«Жизнь летала, жизнь витала...»

Жизнь летала, жизнь витала,
набирала высоту —
и теперь, как с перевала,
смотрит вниз на местность ту,
где в далёкую нирвану
мою молодость несут
сёстры меньшие Баксана
Адълсу и Адырсу.

«Не верь мне, если Лазаря пою...»

Не верь мне, если Лазаря пою.
Я всё равно не попрошу прощенья
и обману доверчивость твою.
Не верь мне, если Лазаря пою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.